

Событие

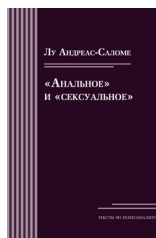

16–17 февраля 2013 г. в Санкт-Петербурге в Музее сновидений З. Фрейда Восточно-Европейского института психоанализа состоялся семинар, посвященный дню рождения Лу Андреас-Саломе (1861–1937). В рамках семинара состоялась презентация проекта «Собрание трудов Лу Андреас-Саломе», были представлены

новые книги Л. Андреас-Саломе «Нарциссизм как двойное направление», «Три письма одному мальчику», «Вклады в психоанализ».

Эротика
ISBN 978-5-98904-112-1
84×108 1/32
80 с., обложка
200 руб.

«Анальное» и «сексуальное»
ISBN 978-5-98904-133-6
84×108 1/32
56 с., обложка
150 руб.

Нарциссизм как двойное направление
ISBN 978-5-98904-177-0
84×108 1/32
60 с., обложка
150 руб.

Вклады в психоанализ
ISBN 978-5-98904-145-9
84×108 1/32
104 с., обложка
250 руб.

Три письма одному мальчику
ISBN 978-5-98904-180-0
84×108 1/32
56 с., обложка
150 руб.

Ex ERGO LIBRIS

Л. Андреас-Саломе «ЭРОТИКА»: ЦИТАТЫ...

«С какой стороны ни возьмись за проблему эротического, постоянно остается ощущение, что сделал это весьма однобоко. А больше всего, пожалуй, в том случае, если пытаться осуществить это средствами логики: то есть подходить с внешней стороны. Ведь это само по себе уже означает: настолько сильно и до тех пор отнимать непосредственную живость впечатлений, пока не окажешься в удобнейшем согласии с как можно большей частью общества. Или, иначе выражаясь: представлять вещи достаточно несубъективными, достаточно чуждыми нам самим, чтобы вместо целостности, недробимости жизненного проявления обрести раскладывающееся на фрагменты, незавершенное произведение, которое как раз благодаря этому можно фиксировать в слове, уверенно манипулировать им на практике, однобоко-тотально обозревать. Здесь, однако, такой метод отображения, вынужденно все овеществляющий, обездушивающий, приходится применять и к тому, что в деталях известно нам только субъективно, что возможно пережить только индивидуально, что мы поэтому привыкли обозначать как «умственные» или «душевные» впечатления от вещей, т. е. просто: «впечатления», к тому, что принципиально не поддается именно этому методу. Ради согласия, которое должно быть при этом достигнуто, мы и такие иного рода воздействия каждый раз объясняем только на основании этого одного воздействия, а все прочее, что могло бы быть ими высказано, принимаем только как дополнение в духе описания, — которое, как бы в остальном ни приноравливалось к логической согласуемости, тем не менее, даже с ее формальной помощью способно убеждать только более или менее субъективно».

«[Вполне] можно допустить, что... однажды придут к выводу, что сексуальная воздержанность не просто приемлема для здоровья, но и ценна, — в том смысле, что увеличивает силу, накапливая ее в себе и преобразуя. И тогда многие женщины таинственно улыбнутся, так как почувствуют, что уже давно знали что-то об этом, — женщины, в которых принуждающее сексуальное воспитание всех веков христианства, по меньшей мере, в некоторых слоях, переродилось в естественную независимость от голой потребности влечения, — женщины, которым сегодня поэтому еще трижды, нет, десять тысяч раз следует поразмыслить, прежде чем, погнавшись за более современной свободой любви, снова позволить ускользнуть от себя плоду долгой, жестокой культурной борьбы, доставшемуся им лично на блюде почти без приложения усилий; ведь чтобы чего-то лишиться, достаточно гораздо меньшего числа поколений, чем чтобы это приобрести».

«...любовь чувствует себя окруженной тоской и боязнью смерти, которые едва ли можно четко различить друг от друга, — как бы первичным сновидением: в нем собственная самость, любимый человек и общий ребенок еще могут быть одним, и тремя именами называется только все то же бессмертие».

Иолан Нейфельд

ДОСТОЕВСКИЙ

Психоаналитический очерк
под редакцией проф. З. Фрейда

ISBN 978-5-98904-123-7
84×108 1/32
84 с., обложка
150 руб.

ЗАКАЗ КНИГ

Заказ на приобретение книг «ERGO»
направляйте на email:
market@ergo-izhevsk.ru

И. НЕЙФЕЛЬД

Никто не схватил яснее существование бессознательного. Достоевский знал, что интенсивно действующая связь мыслей долгое время существует в душе скрытно от сознания. Бедный Павел Павлович, обманутый муж, за час до того, как он хочет убить любовника своей жены, нежно за ним ухаживает, когда с Вельчаниновым внезапно случается припадок желчных камней, подымает весь дом, согревает своему сопернику тарелки на большую грудь. Эта с юмором нарисованная сцена доказывает, как точно знал Достоевский описанную Блейлером амбивалентность невротической души. Но не только эту преувеличенную форму амбивалентности знает и описывает Достоевский. Он сам, проявлявший ее нередко в жизни, наделяет ею и своих героев. Они имеют это чувство в различных видах, дети к взрослым, друзья к друзьям, любовники к возлюбленным. Все они любят и одновременно ненавидят с одинаковой силой. Ни один из них не знает, в конце концов, любит ли он или ненавидит, уважает или презирает, все они — раздвоенные характеры. Везде и всегда его герои амбивалентны. Маленький мальчик горячо любит отца, в котором он видит олицетворение всех совершенств, и в то же время страстно его ненавидит, даже презирает. Обманутый муж заботится о любовнике своей жены, чтобы затем убить его, им же «спасенного». Этот же муж никак не может забыть неверности своей жены и в то же время женится вторично. Иван Карамазов одновременно любит и ненавидит Катю, которая отвечает так же, причем не может выбрать между двумя братьями, Иваном и Митей. Грушенька до последнего момента не знает, ненавидит ли она и презирает Митю или так любит, что готова пойти за ним не только на каторгу, но и на смерть. Настасья Филипповна любит князя Мышкина и в то же время убегает от него, ее любовник Рогожин убивает ее, чтобы овладеть ею полностью и навсегда. Аглая благоговит перед идиотом, в котором она узнает ученика Христа, и тем не менее насмехается над ним.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но эта раздвоенность распространяется и на другие чувства, кроме эротических. У Алёши Карамазова горячее желание стать монахом — и в то же время он сознается своему другу, что даже не знает, верит ли он в бога. Мармеладов продает последнее платье своей жены, чтобы отдаться пьянству, он доводит семью до нищеты и одновременно он нежный отец и заботливый муж. Его жена бьет своих детей, т. к. у нее болит сердце от того, что они плачут с голода. Она толкает свою падчерицу Соню на улицу, в объятия проституции, делает это с горькими, полными стыда словами и затем перед всеми защищает ее позор и целует ей ноги, когда она возвращается с пути позора. Амбивалентность маленькой девочки против матери показывает Достоевский в «Нечке Незвановой», амбивалентность мальчика против отца и матери — в «Подростке». Он знает все мотивы этого двойного отношения — ревности, оскорбленного тщеславия и прежде всего ненасытной детской жажды — получить ласки от любимого родителя и быть любимым.

Детскую сексуальность, существование которой оспаривают врачи и ученые, Достоевский знает хорошо со всеми ее извращенными компонентами. В «Подростке» он заставляет маленького мальчика говорить о своей любви к отцу: «Я мечтал о нем все эти годы врасос (если можно так о мечте выразиться). Каждая мечта моя с самого детства отзывалась им: витала около него, сводилась на него в окончательном результате. Я не знаю, ненавидел или любил я его, но он наполнял собою все мое будущее, все расчеты мои на жизнь». Или в другом месте: «Этот человек (отец) — мечта моя, мечта с детских лет. Я представлял его окруженным каким-то сиянием. Наконец я вынужден признаться: я люблю этого человека. И к чему я влюбился в него, раз навсегда, в ту маленькую минуточку, как увидел его, бывши ребенком. Я когда-нибудь, если место найдется, опишу эту первую встречу нашу: это пустейший анекдот, из которого ровно ничего не выходит, но у меня вышла